

9. Вышеславцев В. Значение сердца в религии / Путь. Орган русской религиозной мысли. - М.: Информ Прогресс, 1992, с. 71.

N. Orekhovskaya

THE ROLE OF RUSSIAN ORTHODOXY IN THE FORMATION OF THE RUSSIAN MASS CONSCIOUSNESS

Abstract: The paper considers the evolution of the Russian mass consciousness coupled with the influence of Russian Orthodoxy. A comparative analysis

was implemented to explore and analyse the influence of other religions as Occidental Christianity on the historical development of European cultures. The author describes the influence of Russian Orthodoxy on the formation of the Russian mentality, culture and life.

Key words: mass consciousness, mentality, Orthodoxy, religion, culture.

УДК 159.922.1

Павлова О.Н.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО РАССМОТРЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ЧУВСТВЕННОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ*

Аннотация: Философия и философская антропология, в особенности, занимаясь проблемами бытия человека в мире, давно вовлечены в процесс обсуждения и исследования человеческого внутреннего психического пространства эмоций и переживаний. Однако осмысление женской чувственной субъективности и особенно глубинной ее природы и сущности, остается по – прежнему, за границами сфер научных философских интересов. Те крупницы знаний и то немногое, что мы имеем о структуре женского опыта в философии, имеет, очевидно, фрагментарный характер. Основа этих мнений и идей была заложена философией античности и красной нитью протянулась через все эпохи до нашего времени. В данной статье предпринята попытка открытия и создания пространства для диалога, которое инициировало бы дальнейшее философское изучение женских психических глубин.

Ключевые слова: женское чувство, женская субъективность, философия женских психических глубин.

Да, философия и философская антропология, в особенности, занимаясь проблемами бытия человека в мире, давно вовлечены в процесс обсуждения и исследования человеческого внутреннего психического пространства чувств, эмоций и переживаний. Известное высказывание великого феноменолога Макса Шелера, о том, что «все центральные проблемы философии сводятся к вопросу о том, что такое человек и какое метафизическое положение он занимает среди всего бытия,

мира и Бога»¹ не потеряли своей значимости.

Однако человечество, здесь я присоединяюсь к мнению М. Шелера, «при всех своих исследованиях потеряло из виду самого человека»². Я бы еще хотела продолжить цитату из М.Шелера своей мыслью о том, что как объект изучения еще было потеряно полчеловечества (его женская половина). Поэтому в парадигме философского научного изыскания мы можем четко видеть некоторые специфические особенности процесса исследования человеческого микрокосма и особенно это касается эмоциональных феноменов человеческой природы, на обсуждении которых я хотела бы сконцентрироваться в этой работе.

Конечно же, в данном тексте, ограниченном заданным объемом, не представляется возможным обстоятельно и подробно осветить и проследить историю формирования и становления философских взглядов и мировоззрений на эмоциональную сферу человеческого бытия во весь античный период. В связи с этим, в статье была предпринята попытка проследить лишь фрагменты динамики научной мысли в философии в отношении человеческих вообще и в частности женских чувств, сопровождаемая отдельными примерами, взятыми мной к рассмотрению более детально по причине моего особого исследовательского интереса к тем или иным философам или другим исследователям человеческой души, а так же к их концепциям.

Принимая во внимание, что на протяжении всей истории существования человечества, как отмечает Георг Зиммель, «наша объективная культура является за исключением немногих областей – только мужской»³, а также, отмечаемого

* © Павлова О.Н.

им «отождествления «человека» и «мужчины», вследствие чего во многих языках оба понятия выражаются одним словом», то можно сделать вывод, что если чувства и являлись все же аспектом философского рассмотрения, то без относительно к полу или пол имплицитно подразумевался мужской.

Таким образом, если бы мы обобщили в каком-нибудь серьезном труде все философские (и не только!) мнения по вопросу человеческих чувств и эмоций, то мы могли бы иметь одностороннюю усеченную модель человеческих чувств через призму мужского понимания, где, чаще всего, чувственным объектом исследования также является сам мужчина.

Такое искусственно выглядящее игнорирование тем более странно, если учесть что вся литература, начиная с древнегреческих мифов полна аналогиями души и женского. В качестве самых популярных и известных всем классических примеров здесь можно привести миф о Психее, который упоминает в своем стихотворении о душе как о женщине Осип Манделштам:

«Кто держит зеркальце, кто баночку духовъ;

Душа ведь женщина, ей нравятся безделки,
И лесь безлиственный прозрачныхъ голо-
совъ

Сухія жалобы кропятъ, какъ дождикъ мел-
кій»⁴.

В такой обстановке трудно представить себе, что женские чувства могли быть попасть в фокус философского осмысления как отдельная и значимая проблема. Еще более невероятен факт тонкого дифференциального подхода, где можно было бы попытаться сравнить и найти различия мужской и женской природы и сущности, выделить в научном поиске характеристики и особенности, присущие сугубо женской душевной сфере. Но надо отметить, что на протяжении веков, по мере того как эмоционально-личностная сфера бытия человека в мире завоевывала все большие пространства в философских умах и трактатах, женщина и ее психическая природа и сущность все больше попадали в фокус философского интереса.

Возможно, динамику «проблем чувств и женщин» можно было бы попытаться трактовать и наоборот. Например, сказать о том, что сначала философов заинтересовала женщина, как «темная», неизведанная сторона человечества и поэтому они стали исследовать проявления своей души, своего рода «женщину внутри себя». Здесь я отмечу, что бисексуальная природа человека не была открыта З. Фрейдом или кем бы то ни было еще, о ней знали и говорили уже в античном мире.

Аристотель в своих трактатах рассматри-

вал вопрос женско-мужского пола в едином пространстве и говорил о женщине как о «неудачной копии мужчины»: «перевернутый мужчина»⁵. Легенда Платона о андрогинах (шарообразных людях), изложенная в диалоге «Пир» является символической и мифологической предтечей современной научной концепции бисексуальности человека⁶.

Возвращаясь, однако, к обсуждению последовательности в изучении чувств, отмечу, что такая эволюция объекта научного поиска (от изучения женщины в сторону изучения чувственного поля) мне кажется мало вероятной. Исследуя эволюцию философской мысли в этом аспекте, любому пытливому уму, становится очень быстро ясно, что сначала «робко и аккуратно» с большими временными паузами (иногда в столетия) философская мысль проникала в глубины человеческой души для обозрения, осмысления и понимания. И только потом, гораздо позднее, с появлением феноменологии Э. Гуссерля, открытием психоанализа З. Фрейдом, философии «депрессии» С. Кьеркегора и продолжавших его концепций «Бытия в мире» М. Хайдеггера к экзистенциализму Ж.П. Сартра и его последователей, на волне феминизма, появления «женских исследований», философы и ученые других смежных философии (в основном мужчины) областей, наконец, преодолели свой человеческий (и даже скорее мужской) страх перед изучением человеческих душевных миров.

Страх, причиной которого современные гендерные и психоаналитические исследователи считают комплекс чувств ребенка перед матерью, и особенно перед попыткой проникновения в ее тайное тайных, глубины ее женской души. Для мужчин - исследователей это бессознательно осложняется еще различием полов с матерью, где на пути к пониманию стоит тревожащее и порой вызывающее ужас сокрытое Другое, непостижимое и вызывающее сопротивление к пониманию в том числе и в силу своей полярной гендерной отличности. Мои предположения я хочу дополнить, в качестве подтверждения, объемной цитатой из Фридриха Ницше «Человеческое, слишком человеческое», в афоризме «Химия понятий и чувств», где он немного останавливается в своих размышлениях на трудности исследования человеческой души и причине этой проблемы.

«В чем мы нуждаемся и что лишь при современном уровне отдельных наук может быть нам дано - есть химия моральных, религиозных, эстетических представлений и чувств, равно как всех душевных движений, которые мы испытываем в крупных и мелких отношениях культурной и общественной жизни и даже в одиночестве; а что, если эта химия закончилась бы выводом, что и в этой области самые роскошные краски добыты из

низменного, презираемого материала? Многие ли будут иметь охоту подчиниться таким исследованиям? Человечество любит заглушать в своем сознании вопросы о происхождении и началах; и не нужно ли почти лишиться человеческого облика, чтобы почувствовать в себе противоположное влечение?»⁷

В работе «Тотем и табу» исследуя проблему душевного мира примитивного человека, и в том числе, древнейшего человеческого страха перед неизвестной ему тайной сущности предметов и объектов окружающего мира и себя самого, З.Фрейд выдвигает предположение о поэтапности процесса человеческого познания окружающего мира и собственных душевных феноменов. З.Фрейд пишет, что, исследуя себя и мир вокруг себя, человечество последовательно создало «три философских системы, три великих мирозерцания: анимистическое, религиозное и научное»⁸.

Следовательно, до того, как человечество пришло к современному научному знанию об эмоциональных сферах психического, который мы в настоящий момент времени имеем, оно прошло довольно долгий и нелегкий путь, который мы можем проследить как эволюцию знаний о душе, используя постулированную З.Фрейдом этапность. Стоит подумать о том, что, наверное, было бы очень интересно проследить как же формировалось представление о внутреннем чувственном мире человека в филогенезе и эволюции философских идей от архаичных периодов до настоящего времени. Эта хронология развития научной мысли от космологических мифов к изучению человека своей длительной протяженностью во времени человечества подтверждает тезис Ф.Ницше о том, что человек более всего удален от того, что находится в непосредственной близости от него самого. В данном тексте мы имеем, к сожалению, лишь небольшую возможность приоткрыть дверь в эту таинственную Вселенную.

В человеческой истории было много периодов, связанных с определенными особенностями эволюционных этапов в развитии культуры и социума, когда люди не могли видеть в самих себе микрокосм, который мог бы восприниматься ими как непостижимая тайна. Мир и люди в нем были определенным образом поняты, скорее даже рационализированы, всему было найдено соответствующее объяснение и не было места чувству тревоги перед неразрешимыми вопросами вроде «что я такое?», «почему я существую?», «для чего я существую?», «как я существую?». Человечество испытывало непереносимую тревогу перед еще не познанным и поэтому пугающим его своим собственным внутренним пространством и было не готово поддерживать эти зоны неизведанных областей, «белыми пятнами», а значит и не

было готово к таким вопросам и не задавалось ими. Нужна была общая теория, которая бы могла помочь человеку выжить в невероятно таинственной и поэтому крайне опасной природной и человеческой среде.

Так человеческая психика создала анимизм, в самом широком понимании этого слова как учение о душе или об одушевленности неодушевленных предметов, который был характерен для примитивных народов, проецировавших свои душевные составляющие на весь окружающий их мир. По мнению З.Фрейда анимизм представляет очень стройную «философскую систему, которая дает не только объяснение отдельного феномена, но и дает возможность понять весь мир как единую совокупность, исходя из одной точки зрения»⁹. Архаичные люди в соответствии с созданной ими «натурфилософией», спасающей их от ужаса перед окружающим их непонятным миром, населяли мир огромным количеством духов, злых и добрых, помогающих и вредящих им. Демонологические теории объясняли причины явлений природы, в их свете каждый человек в отдельности имеет душу, которая может оставить свое обиталище (тело человека) и переселиться в других людей, души животных, растений и предметов в данной концепции аналогичны человеческим душам.

Мифолого-демонологический этап в развитии представлений о душе, базировавшийся на недифференцированности человеческой и природной духовных стихий представлен письменными источниками древней Месопотамии, Египта, Персии, Индии, сохранившими до нас магию, колдовство, знания и представления древних знахарей, колдунов и врачевателей об их точке зрения на устройство человеческой души. Мифологические сказания древних римлян и греков отражают их знания о природе человеческой душе. Посредством пантеона богов, создавая сюжеты древних мифов человечество пыталось объяснить себе и иносказательно (не имея другой возможности) передать знания о чувствах и эмоциях другим поколениям. Это мифологически демонологическое мировосприятие сохранилось и «прекрасно» существует в современном мире. Маленькие дети, несомненно, считают игрушки и другие неодушевленные предметы живыми. Здесь мне вспоминается очень полюбившаяся детям и взрослым многих поколений сказка-пьесы Мориса Метерлинка «Синяя птица», где в рождественскую ночь в доме Тильтиль и Митиль, брата и сестры, оживают окружающие их домашние предметы, природные явления и животные, являя перед ними души вещей, животных и стихий¹⁰.

Анимистичность женского эмоционального пространства не оставляет сомнений в своем су-

ществовании и ярко проявлена в женской природе и сохранилась сквозь века до настоящего времени. Как пишет в одной из своих работ гендерная исследовательница Дж. Бенджамин, женщина со своими чувствами существует в мире «внерассудочно», «внедуалистично», исходя из первичного единства с ним. Такая специфика женского бытия в мире оказывает огромное влияние на формирование особой женской природы, в основе которой лежит установка на единство с миром, в соответствии с основной «формулой женского чувственного восприятия «я есть ты», в отличие от включающего противопоставление мужского «я есть не ты»¹¹.

Современная женщина, как и женщины разных эпох до нее, как считает Симона де Бовуар и многие другие исследователи, указывающая на ее отождествленность с природным началом¹², она сама устроена как миф, существует в мире как легенда, душевно представляя собой древний манускрипт, с которым не так-то просто обстоят дела. Прежде всего, этот папирус среди раскопок нужно найти, потом подобрать к нему расшифровывающий ключ и только затем можно приступить к переводу текста. При удачном стечении обстоятельств после всех вышеописанных процедур, желаемые могут приступить к процессу осмысления и понимания текста. Но на этом этапе смелых исследователей так же поджидают «приятные сюрпризы» – смысл, вложенный в текст может варьировать в широком диапазоне, почти как в известной песне поется: «ветер северный умеренный до сильного», а также одно и то же содержание может быть понято одновременно в своих обоих амбивалентных значениях, быть одновременно «и белым и черным».

Находясь своими чувствами больше в области первичного мышления, бессознательного, руководствуемая ассоциативными связями, женская чувственная сфера, не подвластная логике вторичного мышления, с большим трудом поддается сознательному осмыслению, которое по природе своей используют мужчины в интеллектуальных процессах. В данном контексте трудной попытки обозреть чувственное женское пространство очень быстро ассоциативно приходит на ум Платоновская легенда о пещере. Эта легенда, на мой взгляд, метафорически передает ограниченные возможности человека понимать, что же происходит в чувственном пространстве других людей, и больше всего, на мой взгляд, это подходит к попытке мужчины - исследователя проникнуть в женскую душу. Прежде чем описать в тексте размышления Платона, необходимо отметить, что метафора пещеры является довольно распространенной символизацией внутреннего женского животворящего пространства, не только физического, но

и психического (утроба, чрево).

Платон предлагает нам представить «подземное жилище, наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет». Люди в этой пещере с раннего возраста закованы на шею и ноги, так что они «не могут двинуться с места, и видят они только то, что у них перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков». «Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который далеко в вышине, а между светом и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, невысокой стеной, вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол». «За этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева».

Далее Платон задает своему собеседнику вопрос о том, «что находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры? Говоря о том, что эти узники подобны нам, они «целиком и полностью принимали бы за истину тени пронесимых мимо предметов»¹³. Перефразируя Платона, можно задать каверзный вопрос: «Что и как видели философы в душе женщины?»

К сожалению, крупницы дошедшего до нас через века самой ранней «научной» попытки исследовать, понять и проанализировать женскую природу позволяют сделать, казалось бы, лишь неутешительные для нас выводы. Главный философский вопрос «TI ESTI?» в отношении женской психической сущности остался, как мы теперь понимаем, открытым, хотя, конечно же, то объяснение и те ответы, к которым пришли философы в античности создали для них вполне конкретное понимание женского душевного пространства, в соответствии с которым мужчины действовали и строили отношения с женщинами в свою эпоху.

Бросая взгляд из далекого по отношению к античности будущего, наполненный опытом и знаниями поколений, особенно тех знаний которые нам дают женщины сами лично (литература, искусство, психоаналитические наблюдения, женские исследования), имевших место между прошлым и сегодняшним, мы, сегодня хотя бы видим и отмечаем разницу какой женщина была и что она есть сама по себе в своем внутреннем мире и как ее видели и представляли мужчины через призму своих очень плотных проекций. Античная реальная женщина осталась в тени своих «геникей», однако, античное философское понимание может быть полезным нам как точка отсчета начала научного интереса к женщине, что само по себе уже немаловажно, особенно, если учесть долгие века

потери интереса в науке к этому вопросу вообще.

В заключение, пользуясь аналогией с сократовской маевтикой, хочется сказать, что в основе данного небольшого исследования проблемы женских чувств в философии лежит не поиск дефиниций в сфере эмоционального бытия человека вообще и женщины в частности, а попытка открытия и создания пространства для диалога, которое инициировало бы дальнейшее философское изучение женских психических глубин под эгидой идеи истины как поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шелер М. Избранные произведения. - М.: Гнозис, 1994.
2. Там же.
3. Зиммель Г. Женская культура. // Избранное. Том 2. Созерцание жизни. - М.: Юристъ, 1996.
4. Мандельштам О. Камень. Стихи. - С.-Петербург: АКМЭ, 1913.
5. Аристотель. Сочинения: В 4 т. - М.: Мысль, 1983.
6. Платон. Диалоги. - СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007.
7. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: книга для свободных умов. - СПб.: Азбука, 2007.
8. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник. - Мн.: ООО «Попурри», 1999.
9. Там же.
10. Метерлинк М. Синяя птица. - М.: Художественная литература, 1973.

11. Benjamin J. The bonds of love. Psychoanalysis, feminism and the problem of domination. London, 1993.
12. Бовуар С. де Второй пол: Т. 1-2. - М., СПб.: Прогресс, Алетейя, 1997.
13. Платон Государство. - М.: Наука, 2005.

O. Pavlova

TO A QUESTION ON THE PROBLEM OF PHILOSOPHICAL CONSIDERATION OF FEMALE SENSUAL SUBJECTIVITY

Abstract: Philosophy and especially philosophical anthropology, being engaged in the problems of human's existing in the world, have been for a long time engaged in the process of discussing and exploring human's mental space of emotions and experiences. Though conceptualization of women's sensual subjectiveness, and especially its deep nature and substance, is still beyond the borders of scientific philosophic interests. Those grains of knowledge and that little we know about women's experience in philosophy is obviously of fragmentary character. The basis of these thoughts and ideas was established by ancient philosophy and went through the centuries till now. In this article there was an attempt made to unveil and create the space for the dialogue, the area which would ignite further philosophic learning of women's mental depths.

Key words: female feeling, female subjectivity, philosophy of female mental depths.

УДК 274/278

Простяков С.С.

**О НЕГАРАНТИРОВАННОСТИ ИСТОРИИ:
АНАЛИЗ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ТЕОЛОГИИ КРИЗИСА***

Аннотация: Автор статьи раскрывает существенное изменение содержания традиционного провиденциализма в концепциях протестантских мыслителей (К.Барт, Р.Нибул, П.Тиллих), что рассматривается как выражение принципа негарантированности истории и коррелирует с неклассической философской парадигмой.

Ключевые слова: история, неопротестантизм, негарантированность истории, провиденциализм, неклассическая парадигма философии.

Для современной историософии существенное значение имеет вопрос о возможности осуществления в истории ценностных ожиданий человека. И это не в последнюю очередь связано с ситуацией XX века, поставившей под сомнение

характерный для классической мировоззренческой парадигмы принцип гарантированности истории. В работах столь различных по содержанию своих концепций и исследовательским интересам мыслителей как М.Хайдеггер, К.Поппер, А.Тойнби, Э.Фромм, К.Ясперс, Т.Адорно, М.Хоркхаймер, Ж.-М.Бенуа, И.Берлин, И.Пригожин в различных семантических контекстах концептуализируется идея открытости истории по отношению к непредсказуемым с позиций строгого детерминизма изменениям. Причем, из содержания указанной идеи и вытекает принцип неопределенности, или негарантированности истории с точки зрения ее смыслового осуществления.

В пространстве задаваемого дискурса и в соответствии с темой статьи закономерно встает

* © Простяков С.С.